

УДК 811.512.145'28

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТАТАРСКИХ ГОВОРОВ АРЕАЛА «ЮГ БАШКОРТОСТАНА» (в сравнительном освещении)

М.Р. Булатова, научный сотрудник

В тюркологии проблемы диалектного синтаксиса нашли отражение в работах Н.К. Дмитриева (1931), С.М. Бехбудова (1969), Н.З. Гаджиевой (1973), А.Ш. Садыхова (1975), Р.К. Гаффарова (1979), М.М. Джафарзаде (1981) и др.

В первой половине XX в. в татарском языкознании был опубликован ряд обобщающих монографических исследований, посвященных фонетическому, морфологическому и лексическому анализу диалектов и говоров татарского языка. Синтаксис диалектов и говоров в составе грамматических особенностей в виде отдельного раздела начал описываться позднее. В изучение диалектного синтаксиса татарских говоров значительный вклад внесли А.А. Юлдашев, А.Ш. Афлетунов, Л.Т. Махмутова, Д.Б. Рамазанова, Т.Х. Хайрутдинова, Ф.С. Баязитова, З.Р. Садыкова, Р.Р. Шамгунова, Г.Х. Ахатов, Д.Г. Тумашева, Р.С. Барсукова.

Первым на диалектные особенности синтаксиса обратил внимание Л.З. Заляй. В своей работе «Татарская диалектология» он приводит общие сведения о синтаксических особенностях трех диалектов татарского языка и использует принцип анализа и синтеза. Л.З. Заляй внес большой вклад в рассмотрение синтетической связи в предложении, а также в изучение строения разных типов предложений и структуры прямой речи. Ос-

новная заслуга Л.З. Заляя заключается в том, что он заложил основы диалектного синтаксиса и дал толчок для его дальнейшего развития.

В изучение диалектного синтаксиса тептярских говоров значительный вклад внес А.А. Юлдашев. В его работе «Язык тептярей» (1950) главным образом дается описание синтаксических и морфологических явлений, которые отличают тептярские говоры от татарского и башкирского литературного языка. Им отмечено незначительное число особенностей диалектного синтаксиса, что объясняется его близостью к литературному языку. Однако они имеют свои характерные особенности. Это касается синтаксической роли интонации, вопросов синтаксиса сложного предложения, инверсии главных и второстепенных членов предложения и т.д.

А.Ш. Афлетунов в кандидатской диссертации «Языковые особенности татарских говоров, расположенных на территории западной и юго-западной части БАССР» (1960) продолжает разрабатывать идеи, заложенные А.А. Юлдашевым, останавливается на вопросах синтаксиса тептярских говоров. А.Ш. Афлетунов вносит ясность в структуру словосочетания и находит сходства данного диалекта с другими диалектами татарского языка. «Интересной синтаксической особенностью тептярского говора, — отмечает он — является замена одного падежа дру-

гим падежом, а также исчезновение аффикса дательного падежа, употребление родительного падежа вместо винительного». Такую особенность автор видит только лишь в тептярских говорах и называет его термином «скрытая связь», в то же время он выводит мысль о сохранении дательного падежа.

В монографии Л.Т. Махмутовой «Опыт исследования тюркских диалектов (мишарский диалект татарского языка)» указываются особенности оформления сказуемого, различного характера, отклонения в употреблении падежей и др.

Со второй половины XX в. на вопросы диалектного синтаксиса стали обращать больше внимания и другие диалектологи (Д.Б. Рамазанова, Т.Х. Хайрутдинова, З.Р. Садыкова). В работе «К истории формирования говора пермских татар», исследуя говор пермских татар, Д.Б. Рамазанова выделяет такие синтаксические особенности, как структура словосочетания, структура сказуемого, инверсия членов предложения, особенности структуры вопросительного и сложного предложений. В 2011 г. вышла в свет ее книга «Образцы речи текстов татарских диалектов» (хрестоматия), где отражены и синтаксические особенности всех диалектов татарского языка.

Изучением синтаксиса западного (мишарского) диалекта занималась Р.Р. Шамгунова. В 1963 г. она защитила кандидатскую диссертацию «Особенности чистопольского говора татарского языка», в которой рассматриваются две очень важные проблемы синтаксиса: особенности словосочетания и особенности структуры предложения. В структуре предложения данного говора Р.Р. Шамгунова выделяет преобладание аналитической связи, что составляет отличие чистопольского говора от литературного языка.

Фундаментальными трудами по исследованию татарских диалектов Западной Сибири явились работы диалектологов Г.Х. Ахатова и Д.Г. Тумашевой. Помимо изучения лексических и морфологических свойств сибирско-татарских диалектов, они анализируют следующие синтаксические особенности: контекстуальная инверсия, формы сказуемого, структура сложных предложений и т.д. Г.Х. Ахатов в работе «Диалект западносибирских татар» (1963) отмечает, что в языке представителей данных диалектов сравнительно больше употребляется сложное глагольное сказуемое и имеется особый тип вопросительного предложения.

Изучение синтаксиса сибирско-татарских диалектов продолжено в работе Р.С. Барсуковой «Заболотный говор тоболо-иртышского диалекта татарского языка в сравнительном освещении», где рассматриваются такие синтаксические особенности, как структура словосочетания, инверсия членов предложения, особенности структуры вопросительного и сложного предложений. Автор отмечает, что в говоре не наблюдается употребление подчинительных союзов, отсутствуют причастные и деепричастные обороты.

Большой вклад в разработку вопросов диалектного синтаксиса татарского языка внесли труды синтаксистов М.З. Закиева (1963, 1974, 2005), Ф.С. Сафиуллиной (1974, 1990) и др.

Синтаксис татарского литературного языка рассматривает М.З. Закиев в работе «Синтаксический строй татарского языка» (1963), а некоторые аспекты и диалектов татарского языка отмечает в III томе «Татарской грамматики» (1995), специально посвященном синтаксису.

В 1978 г. вышла в свет книга Ф.С. Сафиуллиной «Синтаксис татарской разговорной речи», в которой даны

разработки этого направления по татарскому синтаксису. Автор останавливается на следующих вопросах: многочисленные типы глагольных и именных повторов, своеобразие употребления местоимений, специфика утверждения и отрицания, эллиптические конструкции, явление синтаксического стяжения и присоединения. В них отражены особенности как разговорного, так и диалектного синтаксиса.

В диссертации Л.Л.Янсаевой на тему «Диалектный синтаксис татарского языка (простое предложение)» (2008) впервые в татарской диалектологии делается попытка исследовать синтаксис простого предложения татарских диалектов и говоров. Выявляются сходства и различия в структуре синтаксических единиц диалектов татарского языка, частотность их употребления, затрагиваются общие теоретические вопросы татарского языкознания на уровне синтаксиса простого предложения.

Татарскими диалектологами накоплен богатый практический материал для разностороннего изучения синтаксических особенностей местных говоров, который представлен в специальных сборниках, подготовленных ими. Так, в «Материалах по татарской диалектологии», «Татар халык сөйләшләре» представлены образцы текстов из среднего, западного, восточных диалектов. Увидели свет образцы текстов в книгах «Туйлар, туйлар...» (1997), «Материалы по сибирским диалектам» (2000), «Образцы речи текстов татарских диалектов» (2011) Д.Б. Рамазановой; многочисленных книгах Ф.С. Баязитовой: «Аш-су һәм халык традицияләре лексикасы» (2007), «Туй йолалары лексикасы» (2011), «Халык традицияләре лексикасы: бишек туге» (2012) и др.

Синтаксические явления в говорах значительно разнообразнее, чем

в книжной речи. Ниже рассмотрим синтаксические особенности говоров ареала «Юг Башкортостана», где распространен ряд татарских говоров, относящихся к разным диалектам: белеевский подговор мензелинского говора, тепекеевский говор, курмантауский говор, турбаслинский говор, учалинский говор среднего диалекта и стерлитамакский говор западного диалекта.

Особенности в оформлении и словосочетаний. В говорах ареала «Юг Башкортостана» в основном те же способы соединения слов в словосочетания, что и в татарском и других тюркских языках. Вместе с тем в исследуемых говорах наблюдаются и некоторые отклонения.

1. В именных словосочетаниях господствующим компонентом выступают имена существительные или другие части речи, употребляемые в функции имен существительных. Как и в татарском и вообще в тюркских языках, широко применяются именные словосочетания с именами, образованными или при помощи аффиксов родительного падежа и притяжательности, или при помощи обязательного соседства и аффикса притяжательности, или же просто при помощи обязательного соседства: *Ана, Фәнийәнәң қыды килә* (тпк.) – Вон, идет дочь Фании. *Тее шәхәр йегете кунаққа қайтып төштө* (бел.) – Приехал в гости тот парень из города. *Бәйрәм көн булгач, әсүлгә чыгуны кичектерделәр* (трбс.) – Из-за того, что сегодня праздничный день, выезд отложили.

а) в словосочетаниях, имеющих аффикс принадлежности первого и второго лица единственного числа, отмечены случаи выпадения аффиксов притяжательного падежа: *Нәнәм өйе йанына* (лит. дәү әниемнең өйе янына) *китте* (тпк.) – Пошел к дому моей бабушки. *Абыйым сүзе* (абыемның сүзе)

житә қалды, өйгәшләрен эшләп тә қуйды (крмн.) – Слово брата ему хватило, сразу сделал домашнее задание. *Күршең бақсасы* (күршеңнен бакчасы) *қый* (бит) *ул* (учл.) – Ведь это огород (твоего) соседа.

б) в белебеевском подговоре зафиксированы случаи архаичного изафета, то есть словосочетаний «существительное+существительное», компоненты которых связаны без аффиксов, со значением принадлежности: *Ул Уфа қызлар* (лит. Уфаның қызлары) *буген монда килмәкчеләр ийе* – Те уфимские девушки сегодня намеревались прийти сюда. *Қайын агачтан* (каен агачыннан) *йасалган тырма* (бел.) – Грабля, сделанная из березы (дословно: березового дерева).

В татарском языке безаффиксальный изафет со значением принадлежности особенно активно употребляется в тех говорах, которые сформировались в ходе изолированного в том или ином отношении существования и сохранили ряд архаичных черт: в нукратском [7, 49], пермском [11, 120–121] говорах среднего диалекта, в говорах сибирских диалектов [2, 105–106; 13, 421; 15, 146–147]; sporadически выступает и в других говорах как среднего, так и западного диалектов: параньгинском [6, 149–175], мензелинском, бирском, златоустовском [9, 67; 16, 50–51], чистопольском [13, 234], темниковском и др.

Данный тип изафета восходит к той эпохе тюркского праязыка, когда «отношения принадлежности могли выражаться простой коллокацией двух имен существительных типа *озеро берег...*» [12, 268].

2. В курмантауском и тепекеевском говорах в словосочетании, определяемое которого является прямым дополнением без аффикса, определение, выраженное числительным, прилагательным, местоимением, принимает

аффикс винительного падежа: *Кил әле, берәйне көлсә* (лит. берәр көлчә) *ашап қарарсың* (крмн.) – Подойди-ка, отведаешь одну лепешку. *Бер жиде-сигезне сарық* (жиде-сигез сарык) *тотайы* (крмн.) – Держал примерно 7–8 овец. *Күрше апқайткан шундыйны машина* (шундый машина) (тпк.) – Сосед привез такую машину.

В словосочетаниях, ведущим компонентом которых является существительное, определяющий компонент принимает аффикс дополнения.

Это явление несколько активнее выступает при инверсии атрибутива: *Аның тее кешекәйе абзар сала йаңаны* (яңа абзар) (тпк.) – Тот его (некий) человек строит новый сарай. Ср.: так же в пермском говоре [11, 123].

3. Г л а г о л ь н ы е словосочетания организуются по принципу: главный формирующий член (глагол) и зависимый, подчиненный, находящийся в известных синтаксических отношениях.

а) в глагольных словосочетаниях с прямым дополнением иногда аффикс винительного падежа может опускаться: *Балаң үстерү* (лит. балаңны үстерү) *жиңел булмас* (трбс.) – Нелегко будет вырастить ребенка. *Туган көндө үткәру* (туган көнне уздыру) *күп вақыт алмай, минемсә* (учл.) – По-моему, справление дня рождения не занимает много времени.

б) в стерлитамакском говоре и белебеевском подговоре мензелинского говора глагол *утыру* управляет исходным падежом: *Утырыгыз урындыктан* (бел.) (лит. урындыкка утырыгыз) – Садитесь на стул. *Нәрсәкәй сез, кунақлар ишек төптән утыралар* (ишек төбенә утыралар), *без түрдәнме* (түргәме)? (бел.) – Да вы что, гости садятся у двери, а мы в красном углу, что ли?

Это явление наблюдается в пермском [11, 125], параньгинском [6, 149–175] говорах и, главным образом, в

говорах Приуральского ареала. Такая же особенность в слове *басу* встречается в тоболо-иртышском диалекте [15, 148; 2, 107].

в) в белебеевском подговоре глагол *атлану* управляет не направительным, как в литературном языке, а основным падежом: *ат атланып//ат менеп* (атка атланып) – верхом, *лисәпит атланып* – на велосипеде и т.д.

г) при глаголах движения название пункта направления, в отличие от литературного языка, употребляется и в основном падеже: *Бәләбәй китә* (лит. Бәләбәйгә) (бел.) – Уезжает в Белебей. *Чақмагыш* (Чакмагышка) *барганмы?* (бел.) – Ездил в Чекмагуш? *Гәйнәдән Ыслак* (Ыслакка) *китәсең* (стрл.) – Из Гайны едешь в Слак (названия деревень). *Колоп* (клубка) *мендеңме?* (стрл.) – В клуб ходил, что ли?

Подобные отклонения в управлении глаголов имеют место и в других говорах татарского языка [7, 49; 11, 125; 16, 53; 17, 59].

4. В курмантауском говоре в неполных словосочетаниях, вторым компонентом которых являются послелогии или послеложные слова, управление осуществляется с помощью дательного-направительного падежа, а послеложные слова опускаются: *икенче тапкыр//икенче мәртәбә* > *икенсегә* – во второй раз, *өченче тапкыр//өченче мәртәбә* > *өсөнсегә* – в третий раз и т.д. Например: *Ул өсөнсегә* (өченче тапкыр) *кийәүгә сықты инде* – Она в третий раз вышла замуж. *Икенсегә* (икенче тапкыр) *баласын исән-сау тапты* – Во второй раз родила ребенка здоровеньким.

Данное явление часто употребляется в заболотном говоре тоболо-иртышского диалекта [2, 108].

5. Значение, передаваемое в татарском литературном языке через послелог *өчен*, в курмантауском говоре иногда передается показателем

дательного-направительного падежа: *Эшемә қайғырып утырам* (крмн.) – Эшем өчен кайгырам – Переживаю за работу. *Баласына барсына да эзер* (крмн.) – Баласы өчен барсына да эзер – На все готова ради ребенка. *Қызына қайғыра* (крмн.) – Кызы өчен кайгыра – Переживает за дочь.

Эти особенности характерны для нукратского говора среднего диалекта и для говоров тоболо-иртышского диалекта [2, 108; 15, 148].

6. В стерлитамакском говоре окончания категории принадлежности могут употребляться в двойной форме: *Бер улысы* (лит. бер улы) *қырык бишенче йылгы* (стрл.) – Один из сыновей сорок пятого года рождения. *Үз алнысыннан* (үз алдына) *абзарлары йанды* (стрл.) – Ни с того ни с сего сторели их хлева.

В говорах среднего диалекта ареала двойной аффикс употребляется в местоимениях *кайсысы*, *бусысы*, *ансысы*, числительные *берсесе* и т.д.: *Бармақларның қайсысын тешилсәң дә амырта дигәндәй, балаларым да шулай* (крмн.) – Какой бы палец ни укусила – больно, дети также. *Қызларның бусысы матур* (бел.) – Эта из девушек красивая. *Күберәгесе шул амылга киттеләр* (трбс.) – Многие (из них) уехали в ту деревню.

В тюркских языках данный процесс называют десемантизацией, т.е. первое окончание воспринимается как норма, второе – как факультатив. Данное явление активно бытует в нукратском, красноуфимском, мамадышском, мензелинском, златоустовском, бирском говорах среднего диалекта, а также в говорах западного диалекта.

7. Синтаксические особенности, связанные с употреблением аффикса *-ныкы/-неке*:

а) могут употребляться в функции сказуемого: *Кемнеке ди* (булсын) – *синнеке* (крмн.) – Чьей может быть – твоя.

Куренеп тора – амылнықы (трбс.) – Сразу видно – из деревни.

б) в курмантауском, тепекеевском и стерлитамакском говорах выступают в роли определения, соответствуют аффиксу притяжательного падежа: *Танышлары бар анда анықы* (аның танышлары) (тпк.) – У него там есть знакомые. *Туганым минеке* (минем туганым) *килгән* (крмн.) – Мой брат пришел. *Әтисе чакырды анықы* (аның әтисе) (стрл.) – Его отец позвал.

Употребление аффикса принадлежности *-нықы/неке* в функции определения является характерной морфологической особенностью златоустовского [16, 51], нукратского [7, 37], пермского говоров среднего диалекта. Отдельные случаи его наблюдаются в говоре подберезинских крышен и в говорах, распространенных на территории Пензенской области, а также в говорах восточных диалектов. Отмечено в диалектах узбекского языка [5, 102], караимском, саларском, уйгурском [8, 138] и др. языках.

В пермском говоре и в говорах тоболо-иртышского диалекта употребляется исторически полный вариант аффикса абстрактной принадлежности *-ныңқы/-неңке* [15, 149; 2, 107]. См. также карту № 120 Атласа [1, № 120]. Характерно для уйгурского языка [8, 78].

Особенности в оформлении и сказуемого. 1. Сказуемое, выраженное именными частями речи, во всех лицах принимает личные аффиксы: *Балалар өйдә йуқлар* (бел.) – Детей нет дома. *Мин жылақмын үзем бик* (трбс.) – Я сама очень плаксивая. *Иптәшләр өчәүләр ийек без* (стрл.) – Нас, товарищей, было трое. *Нисәүсез сед?* (учл.) – Сколько вас? *Бед өс бертуған, исәмбед әле* (тпк.) – Нас трое кровных родных, пока все живы. *Син андасыңмы, қартатайлардасыңмы?* (крмн.) – Ты там, что ли, у (нашего) дедушки?

Данное явление наблюдается, главным образом, в тех говорах татарского языка, которые распространены в Приуральском регионе: байкибашевском говоре западного диалекта [9, 76], мензелинском, златоустовском [16, 50], пермском [11, 126] говорах среднего диалекта, тарском и тевризском говорах тоболо-иртышского диалекта и др.

Оформление именного сказуемого при помощи личных аффиксов характерно и для различных тюркских языков: алтайского, башкирского, гагаузского, казахского, якутского и других.

2. Согласование сказуемого, выраженного сочетанием на *-ган/-гән* плюс *бар* или *йуқ*, с субъектом осуществляется следующими способами:

а) в отличие от литературного языка, глаголы на *-ган* могут употребляться без личных аффиксов: *Бу күлмәкне безнең кигән* (лит. кигәнебез) *бармени* (стрл.) – Это платье разве мы носили. *Ул турыда ишеткән* (ишеткәнебез) *дә йуқ* (крмн.) – Об этом даже и не слышал.

б) в таких конструкциях лишенным личных аффиксов часто оказывается и субъект: *Сез* (лит. сезнең) *курғанегез бардыр инде чабатаны* (трбс.) – Вам приходилось, наверно, видеть лапти. *Сүләгәнем йуқ мин* (минем) (бел.) – Мне не приходилось рассказывать. *Син* (синен) *сатып алганың бар аны* (тпк.) – Ты такое уже когда-то покупал.

в) наблюдаются случаи, когда связь предикатива с субъектом осуществляется без каких бы то ни было грамматических показателей: *Без ата қаз асыраған йуқ* (бел.) – Безнең ата қаз асырағаныбыз юк – Нам не приходилось держать гусака. *Мин барған* (минем барғаным) *йуқ сит илгә* (учл.) – Я не бывал за границей.

Подобные явления распространены и неоднократно отмечены исследователями по другим говорам татар-

ского языка [4, 96–97; 10, 112; 11, 127; 16, 68 и др.].

3. Аффиксы сказуемости III лица *-дыр/-дер* в стерлитамакском говоре ареала, как и в западном диалекте, продолжают употребляться: *Ул киләдер* (лит. килә), *дәрес әйтәсең* – Он идет, правильно говоришь.

Это явление встречается редко. В сибирских диалектах татарского языка в составе глагольного сказуемого они сохранились в виде *-ды/-де (ты/-те)*: *Алар эшләмәгәң, миңа кәрәкмәйте* – Если они не работают, мне тем более не нужно.

Некоторые наблюдения над структурой повествовательного предложения. Повествовательное предложение выражает сообщение говорящего о чем-то. В основе его лежит суждение, т.е. утверждение или отрицание чего-нибудь.

1. Как в литературном языке, так и в диалектах сказуемое в III лице не всегда согласуется с подлежащим в числе: *Алар қайта да китә* (учл.) – Они приходят и уходят. *Көзен кошлар жылы йакларга оча* (стрл.) – Осенью птицы улетают в теплые края.

2. Иногда при подлежащем, выраженном количественно-именным словосочетанием, сказуемое может быть во множественном числе: *Суға батып дүрт кеше үлделәр* (трбс.) – Четыре человека утонули. *Класса биш-алты бала йақшы уқыйлар* (крмн.) – В классе 5–6 учеников учатся хорошо.

Такие конструкции встречаются во всех диалектах татарского языка, в литературном языке – редко.

Некоторые наблюдения над структурой вопросительного предложения. Предложение, в котором выражается вопрос, называется вопросительным предложением. В оформлении вопросительного предложения в татарских

говорах данного ареала наблюдаются следующие своеобразные явления.

1. В говорах вопросительные предложения часто оформляются и при помощи одной интонации: *Сез Қазанның узенеке?* (бел.) – Вы из самой Казани? *Бүтән асылларны өйрәнмәйсез?* (крмн.) – Другие деревни не изучаете? *Син училищедә уқыйсың?* (тпк.) – Ты учишься в училище? *Китабыңны уқыдың?* (учл.) – Книгу (свою) прочитал?

Выражение вопроса одной интонацией – довольно распространенное явление. Оно наблюдается в касимовском, нукратском, чистопольском говорах, агрызском подговоре мензелинского говора, в говорах пермских [11, 129], оренбургских татар и др.

2. Иногда в таких предложениях употребляется частица *әллә* – разве: *Әллә жийәү килдең?* (трбс.) – Пешком пришел, что ли? *Көтү кайта әллә?* (стрл.) – Стадо возвращается, что ли? *Әллә хәдәйкәләр өйдә йүк?* (бел.) – Разве хозяек нет дома? *Син бармасмын дигән идең әллә?* (крмн.) – Ты говорил, что ли, что не пойдешь?

Такая особенность отмечена в мензелинском, пермском говорах среднего диалекта [11, 129], заболотном говоре тоболо-иртышского диалекта [2, 109].

3. Говорам ареала юга Башкортостана, так же как и литературному языку, свойственно присоединение вопросительной частицы к сказуемому. Но, однако, спорадически встречается и присоединение вопросительной частицы к тому члену предложения, на который падает логическое ударение: *Бақсадан исме қерә* (лит. ис керәме)? (учл.) – Из огорода запах идет, что ли? *Қызылынымы алманың алырга* (кызылын алыргамы)? (трбс.) – Красное яблоко купить, что ли? *Бүгенме күрдең Хәдичәне* (бүген күрдеңме)? (крмн.) – Хадичу сегодня увидела? *Итләрни*

бүленме пешерим? (стрл.) – Мясо варить разделив на части?

Это явление составляет специфику западного диалекта. По мнению М.З. Закиева, это происходит под влиянием русского языка, где вопросительная частица занимает место непосредственно в составе того слова, смысл которого спрашивается. В литературном языке такая ситуация тоже может иметь место, но только в том случае, если в предложении нет сказуемого [14, 320 – 355]. В западном диалекте, как мы уже указали, даже если есть сказуемое, вопросительная частица присоединяется к члену предложения, на которое падает логическое ударение.

4. Вопрос может быть выражен и вопросительными местоимениями, которые, в отличие от литературного языка, в говорах употребляются в разных фонетическо-морфологических вариантах. Например: *Қайсылай* (ничек) *эшләйем мин аны?* (крмн.) – Я как это сделаю? *Нийәрсә* (нәрсә) *сөйләде ул* (бел.) – Что он рассказывал? *Син қалай* (ничек) *әпкилдең моны?* (тпк.) – Ты как принес это?

5. В говорах ареала в вопросительных предложениях часто употребляется вопросительное местоимение *ни* в сочетании с *микән* во всех лицах в значении сомнения: *Син сөйләмәдең микән ни ул турыда?* (крмн.) – Разве не ты рассказывал о том? *Китте дә микәнни?* (бел.) – Уже ушел, что ли? *Урынына алып куймадым микән ни?* (крмн.) – Неужели не положил на место?

Эта особенность характерна и для агрызского, янаульского подговоров мензелинского говора, неоднократно отмечена в соседних говорах. Ср.: в пермском говоре в вопросительных предложениях вопросительное местоимение часто употребляется в сочетании со словом *ни*, причем его место в предложении относительно свобод-

ное: *Нәҗип монда мәгә килд ийе ни?* – Зачем приходил сюда Назип? *Кайда ни у?* – Где он?

Это явление сохранилось в татарском литературном языке в составе вопросительной частицы *-мыни/-мени*. По своей структуре сочетания типа *мәсә ... ни, кайда ... ни, кемне ... ни, кайа ... ни* напоминают конструкцию типа подлежащее – сказуемое – подлежащее, автивно бытовавшую в древнетюркском языке, продолжающуюся изредка выступать в говорах и в настоящее время. Аналогичная функция рудиментарного *ни* отмечена исследователями в диалекте черневых татар [3, 87].

Некоторые наблюдения над структурой побудительного предложения. Предложение, в котором выражается воля говорящего к побуждению собеседника к действию или намерение к действию самого говорящего, называется побудительным. Степень побуждения к действию может быть разной: говорящий может приказать, категорически требовать, повелевать, призывать, посоветовать, даже пожелать. Разные структуры по-разному влияют на оттенки значений побудительных предложений. Например: *Хәдер ук сөйләп бир дөрөсен!* (бел.) – Прямо сейчас расскажи всю правду! *Тукта эле, сәгәтне қарап киләйем* (крмн.) – Пстой-ка, схожу посмотрю на часы.

Изредка в говорах ареала юга Башкортостана и побудительные предложения имеют отличительные особенности. Структура побудительных предложений в диалектах определяется следующими особенностями:

1. В стерлитамакском говоре побудительное предложение, образованное с помощью *-гын/-ген* (редко), обозначает приказ или категорическое требование, повеление: *Баргын тизерәк* – Иди скорее. *Ашагын* – Ешь, ешь.

Аффикс *-гын/-ген* характерен для кряшенских говоров среднего диалекта [4] и для западного диалекта, считается архаической особенностью [10, 146].

2. Побудительное предложение, сказуемое которого выражено глаголом II и III лиц формой *-ыр иде*, обозначает мягкое повеление: *Хәлен генә дә булса барып белер идең* (крмн.) – Сходил бы, хоть узнал бы его самочувствие. *Берәй бидрә су булса да қалдырыр ийең әбейгә* (тпк.) – Бабушке хоть (одно) ведро воды принес бы уходя.

Встречается в диалекте сибирских татар и в западном диалекте татарского языка: *Авырган катыны йанга бер шакалат булсын китерер идең* (кузн.) – Больной жене принес бы хоть один шоколад.

3. В учалинском говоре 2 л. мн.ч. повелительного наклонения редко образуется аффиксами *-ң, -ың/-ең*: *Қунақлар ашаң, эсең* (ашагыз, эчегез) – Ешьте, пейте, гости. *Килегез, алдан утырың* – Идемте сюда, садитесь вперед.

Учалинский говор входит в состав изоглоссы распространения указанной формы (перм., бирск., злт., ичк., сиб. диал.).

В курмантауском и тепекеевском говорах формам *дип әйт//диген* (скажи) (2 л. ед. числа повелительного наклонения) соответствует вариант *диң* (крмн.) // *дийең* (тпк.): *Сине белән сөйләшәселәре килә диң* (диген) (крмн.) – Скажи, что им хочется поговорить с тобой. *Тагын оңотқанмын дийең* (тпк.) – Скажи, что опять забыл. Данный аффикс выступает только в этом слове.

Кстати, *ди+ген >диген* рассматривается как неправильная форма повелительного наклонения (диген).

Побудительное предложение, сказуемое которого образовано окончанием *-ң*, встречается в среднем диа-

лекте [9, 65; 11, 91; 16, 72; 17, 99] и диалектах сибирских татар [15, 108; 2, 64].

Об инверсии членов предложения и присоединительных конструкций. Как показали наши наблюдения и анализ образцов разговорной речи, переписанной с диктофона (они помещены в качестве Приложения к диссертации М.Р. Булатовой «Морфологические особенности татарских говоров ареала «Юг Башкортостана»), синтаксис говоров данного ареала, как и во всех говорах татарского языка, характеризуется активностью инверсии, поскольку в них выступает живая разговорная речь.

В говорах соотношение устойчивого и свободного порядка слов различно. В целом же считается, что порядок слов в одной трети диалектной речи является свободным. Обычно в этом случае рема предшествует теме.

Свободный порядок имеет место прежде всего тогда, когда господствующее слово находится в препозиции по отношению к зависимому, т.е. сказуемое ставится либо в абсолютном начале предложения, либо в его середине: *Кулмәк чигелгән буладыр ийе хатын-қызнықы* (крмн.) – Женские платья бывали вышитыми.

В связи с тем, что сказуемое переносится в начало предложения, отдельные члены предложения ставятся после него. В литературном языке такой порядок слов проявляется в диалогической речи. В диалектах татарского языка они встречаются и в монологической речи.

1. Инверсии больше всего подвергаются:

а) определения, выраженные participial form на *-ган*: *Малайы бар берәү, бисә алмаган* (өйләнмәгән малайы) (тпк.) – (У нее) есть сын, неженатый. *Урамнан килә қарт вис йөнгә батқан* (крмн.) – По улице идет весь обросший старик. *Сабыннарын тыш-*

ка куйганнар ийе йыгына торган (юына торган сабыннарын) (стрл.) – Мыло, которым они моются, оставили во дворе.

б) прилагательные, выраженные аффиксами абстрактной принадлежности (-ныкы/-неке, -ныц/-нец): *Абыйстайы бар қалада киленнеке* (киленнең апасы) (трбс.) – У снохи в городе живет (есть) сестра. *Үрге остагы өйдәре матур ийе аларнықы* (аларның өйләре) (учл.) – У них дом, который находился в верхней части (деревни), был красивым. *Бер тамчы суы да қалмады инде қойының* (коеның суы) (бел.) – В колодце капли воды не осталось.

в) определения, выраженные именем числительным: *Ул Ишембайда йәшәне ун йыл* (учл.) – Он жил в Ишимбае (город) 10 лет. *Қызы буйға жәткән, унсигез йәшлек* (бел.) – Дочь стала взрослой, (ей) восемнадцать лет.

2. Инверсия подлежащего: *Авылга кайтып килдең әллә син?* (син авылга кайтып килдеңме әллә) (крмн.) – Ты в деревню съездила, что ли? *Килмәделәр эшкә чақырганда үзләре* (трбс.) – Сами не приходили, когда их приглашали на работу. *Дәресен сүләгән идек без* (стрл.) – Мы рассказывали правду. *Куренә дә башланы болытлары* (учл.) – Начали появляться облака.

3. Инверсия дополнения: *Интернатта йатып уқыды унны* (трбс.) (унынчы классны интернатта яшәп уқыды) – В десятом классе учился, живя в интернате. *Он бирдем бер бидрә күршегә* (тпк.) – Соседу дала ведро муки. *Бурлы силсәшитенә сақырттылар Салихны* (крмн.) – Салиха вызвали в Бурлинский сельсовет. *Қарттә турында әйттем қуй* (бит) *қартнәгә* (учл.) – Бабушке говорил же про дедушку.

4. В структуре составных глагольных сказуемых также возможна инверсия, т. е. главное и второстепенное сказуемые меняются местами. Напри-

мер: *Азақ өс кеше килгәннәр дә алардан йир алганнар инде сатып* (учл.) – Потом пришли три человека и купили у них землю.

Употребление сказуемого в начале предложения часто встречается также в западном диалекте: *Чагышмайлар алар ул вакытта* (влгг.) – Они не совпадают в это время.

Свободный порядок слов имеет определенную закономерность в диалектах татарского языка. Прежде всего, порядок атрибута и определяемого в составе словосочетания при свободном порядке не меняется; не все члены одинаково свободно ставятся в конце предложения.

5. Сугубо частный характер носит и употребление отдельных обстоятельств в конце предложения. Часто встречаются в конце предложения обстоятельства места, времени, цели, причины, обстоятельства образа действия.

Инверсия обстоятельств образа действия:

а) инверсия обстоятельства образа действия, выраженного деепричастием на -ып/-еп/-п: *Йонсып беттем сөгөндөрдә дә эшләп* (крмн.) – Измучилась, работая и в свекольном поле. *Уйын уйныйлар ийе, бергә жыйылышып* (бел.) – Бывало, в игры играли, вместе собравшись. *Нәнәсе тиз қартайған аны уйлап* (трбс.) – (Его) бабушка быстро постарела, думая о нем. *Өйсез қалған ут сығып* (учл.) – Вспыхнул пожар, остался без дома. *Алып килимме йазып?* (стрл.) – Досл.: Принести, что ли, написав.

б) инверсия обстоятельства времени: *Жиләген дә, муйылын да, қарагатын да жыйайы жәй көнө* (крмн.) – Летом, бывало, собирала и землянику, и черемуху, и смородину. *Йүгертеп ишимдән алып киләйе суын да, йәш сагында* (тпк.) – Бывало, в молодости и за водой быстренько сходила. *Гармун тавышларына*

урамнар гөрләп торган элекке заманда (стрл.) – Бывало, раньше под звуки гармошки улицы гремели.

в) инверсия обстоятельства места: *Йаңа йыл бәйрәме булды мәктәптә* (бел.) – В школе был новогодний праздник. *Су керергә йарата Идел буйында* (крмн.) – Любит купаться в реке Агыйдель. *Төрле жирдән килеп жиләк жыйалар тау башында* (крмн.) – Приходят из разных мест и собирают землянику на горе.

Аналогичные случаи инверсии членов предложения в разговорной речи наблюдаются и в других говорах татарского языка [2, 110–111; 11, 130–131; 15, 152 и др.].

Таким образом, свободный порядок слов характерен как для литературного языка, так и для диалектной речи. Инверсия – это основная особенность диалектной речи, которая проявляется во всех трех диалектах татарского языка, т.е. она носит общедиалектный характер.

6. Особенности говоров данного ареала проявляются и в присоединительных конструкциях. Если в литературном языке присоединительные конструкции употребляются со стилистической целью, то в говорах, так же как и в других говорах или диалектах, они являются нормой.

а) в говорах присоединительные конструкции встречаются в основном как однородные члены: *Нивистага китерә энийе күлмәктер, йаулыктыр* (стрл.) – Невесте мать приносит платок, платье. *Адақ йәш киленне алырга йибәрәсең мин мыннан озата йибәрәм пар пар ат менән абыйымды, йорсыны* (младший брат мужа) (учл.) – Потом отправляешься за невестой, а я здесь провожаю брата, дядю, которые уезжают на парных лошадях.

Такие предложения больше характерны для западного диалекта татарского языка.

б) во всех трех диалектах часто встречаются присоединительные конструкции в форме *исем + белән*: *Қара әле, амылда таныш түгел кешеләр йөрөй. Зур машиналары белән* (трбс.) – Смотри-ка, в деревне ходят незнакомые люди. На большой машине. *Теге қыйшаңнаган хәстрүш килеп йатқан була инде. Йаңа йегете белән* (крмн.) – Та кокетливая идет. С новым парнем.

в) как в разговорной речи, так и в говорах может употребляться одновременно несколько присоединительных конструкций: *Фәридәдә күлмәкләр булган, итәге әберкәле, бәс, йомшақ қына* (крмн.) – У Фариды были платья, на подоле у которых оборки, коричневого цвета, пушистые.

О типах сложных предложений и. Необходимо отметить, что по составу, характеру связей внутри сложных предложений татарские говоры изучаемого ареала совпадают с говорами среднего диалекта, также и с литературным языком.

В говорах данного ареала зафиксированы следующие типы сложных предложений.

1. Придаточные дополнительные: *Шундый изге күңелле бала булырсың дип, бер дә уйламаган ийем* (крмн.) – Я и не подумал, что ты окажешься таким добрым ребенком. *Қунақларны сыйлап, қапқага қадәр озатып кергәнгә бер сәгәт тә утмәгән* (бел.) – Не прошло и часа, как, угостив, проводил гостей до ворот.

2. Придаточные определительные: *Кемнең умартасы бар, шуның балы да бар* (трбс.) – У кого есть улья, у того есть и мед. *Қайсысы алдан эшләп бетәйе, шул жиңүче булайы* (крмн.) – (Обычно) кто первым заканчивал, тот становился победителем.

3. Придаточные времени: *Йаз йетү белән басу эшләре башлана* (учл.) – С наступлением весны начинаются полевые работы. *Әнисе өйгәшләрен тикшерде, азақ* (аннары) *қызы уйнарга чықты* (крмн.) – (Ее) мать проверила домашние задания, потом дочь вышла (во двор) поиграть. *Балалар мәктәпкә барганда, көчлә жыл чықты* (стрл.) – Когда дети шли в школу, поднялся сильный ветер. *Ринат тракторын ремонтлагач, Хәлил эшкә чықты* (бел.) – После того как Ринат отремонтировал трактор, Халил вышел на работу. *Сез баргалагансы, магазин бикләнер дә* (тпк.) – Пока вы доедете, магазин закроется. *Көз җиттисә паромны башка җиргә күсереп қуйалар ийе* (крмн.) – Как наступает осень, бывало, паром несколько отодвигали на другое место.

4. Придаточные места: *Җизнәсе эшләгән җирдә ул да эшли* (трбс.) – Он работает там же, где работает и его зять. *Син қайа бараң, ул да шунда бара* (учл.) – Куда ты пойдешь, туда и она пойдет. *Қайдан алып қайтқансың, шунда итеп қуй* (тпк.) – Откуда принес, туда и отнеси.

5. Придаточные причины: *Сез бит аны чакырмадыгыз, шуңа инде ачуланып йөри* (стрл.) – Вы ведь его не пригласили, поэтому он сердится. *Аwohlда эш булмаганга, шәһәргә китте улым* (бел.) – Сын поехал в город, потому что в деревне нет работы. *Йамгыр йаумагач, сыw сибәргә туры килә түтәлләргә* (трбс.) – Из-за того, что не было дождя, придется полить грядки (водой). *Малайын туқмаган өсөн, Саныйа аны күрәлмады* (крмн.) – Саня возненавидела его из-за того, что он побил ее сына.

6. Придаточные цели: *Өй йылынсын тиип, иртән иртүк тороп нискә йагам* (тпк.) – Чтобы в доме

было тепло, ранним утром встаю и отапливаю печь. *Малларыма ашарга салып кердем, ач тормасыннар диип* (стрл.) – Чтобы не голодали, я скормила скотину. *Бәрәңге қортлары бетсен өсөн, агыw сиптерең* (сиптерегез) *бәрәңге бақсасына* (учл.) – Картофельный огород опрыскивайте ядом, чтобы уничтожить колорадских жуков.

7. Придаточные условия: *Алла бирса, бар да әйбәт булып* (бел.) – Если бог даст, то все будет хорошо. *Син риза түгел икән, ул килеп тә йөрмәсен* (стрл.) – Если ты не согласна, то пускай он даже и не приходит. *Әз генә йомшақ эндәштеңме, тискәре бәрелә башлай* (крмн.) – Если чуть-чуть помягче обратишься, то начинает резко противиться. *Сез җиләккә бармайсыз, әтү мин дә бармайым* (крмн.) – Вы не идете за ягодами, если так, то и я не пойду. *Син сәй эсмәйсең, алайса эссертергә қуйып та тормайым* (тпк.) – Если не будешь пить чай, то не стану разогревать.

8. Придаточные уступительные: *Күпме генә тырышсам да, берней килеп чықмады* (трбс.) – Сколько бы ни старался, ничего не получилось. *Үтенеп сорасаң да, алып килмәйәчәк ул* (стрл.) – Хоть сколько будешь упрасивать, он не принесет. *Бөтен кеше сөйләсә дә аңа барыбер* (учл.) – Пусть все говорят, ему все равно.

Итак, в татарских говорах ареала «Юг Башкортостана» бытует своеобразная система синтаксических особенностей. По большинству из них рассматриваемые говоры проявляют большую общность с татарским литературным языком и говорами среднего диалекта. Необходимо подчеркнуть, что в говорах ареала наблюдается влияние синтаксиса западного диалекта татарского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атлас татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья / Научн. редакторы: Н.Б. Бурганова, Л.Т. Махмутова; Составители: Н.Б. Бурганова, Л.Т. Махмутова (1 т.), Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, З.Р. Садыкова, Т.Х. Хайрутдинова (2 т.). – Казань, 1989. + Прил.: Комментарии к Атласу. – Казань, 1989. – 300 с.
2. *Барсукова Р.С.* Заболотный говор тоболо-иртышского диалекта татарского языка в сравнительном освещении. – Казань, 2004. – 160 с.
3. *Баскаков Н.А.* Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалекты черневых татар (туба-кижи). – М.: Наука, 1966. – 173 с.
4. *Баязитова Ф.С.* Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении. – М.: Наука, 1986. – 248 с.
5. *Благова Г.Ф.* Узбекская диалектология и изучение староузбекского языка // Вопросы языкознания. – 1965. – № 1. – С.100–103.
6. *Булатова М.Р.* Асыл сүзләр халкым телендә // Национально-культурное наследие: Татары Марий Эл. Параньга. – Казань, 2012. – С. 149–175.
7. *Бурганова Н. Б.* Говор каринских и глазовских татар // МТД. – Вып. 2. – Казань, 1962. – С. 19–56.
8. *Малов С.Е.* Уйгурский язык (хамийское наречие). – М. – Л., 1954.
9. *Махмутова Л.Т.* О татарских говорах северо-западных районов Башкирской АССР (по материалам экспедиций 1954–1957) // МТД. – Вып. 2. – Казань, 1962. – С. 57–85.
10. *Рамазанова Д.Б.* Формирование татарских говоров юго-западной Башкирии. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1984. – 191 с.
11. *Рамазанова Д.Б.* К истории формирования говора пермских татар. – Казань: ИЯЛИ, 1996. – 239 с.
12. *Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – Баку, 1979.
13. Татар халык сөйләшләре: Ике китапта / Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, Т.Х. Хәйретдинова һ.б. – Казан: Мәгариф, 2008. Икенче китап (II). – 495 б.
14. Татарская грамматика: В трех томах. – Казань: Татар. кн. изд-во. – Т. III. 1995. – 576 с.
15. *Тумашева Д.Г.* Диалекты сибирских татар. Опыт сравнительного исследования. – Казань: Изд-во КГУ, 1977. – 295 с.
16. *Хайрутдинова Т.Х.* Златоустовский говор татарского языка. – Казань, 1985. – 158 с.
17. *Юсупов Ф.Ю.* Көнъяк Урал һәм Урал арты сөйләшләре. – Казан, 1979. – 184 б.

Аннотация

В данной статье рассматриваются синтаксические особенности татарских говоров ареала «Юг Башкортостана», в котором распространены стерлитамакский говор западного диалекта, белебеевский подговор, курмантауский, тепекеевский, турбаслинский и учалинский говоры среднего диалекта татарского языка.

Ключевые слова: татарский язык, диалекты татарского языка, ареалогия, синтаксические особенности.

Summary

This article deals with the syntactic peculiarities of Tatar dialects in the area of «South Bashkortostan», in which Sterlitamak accent of the West (mishar) dialect, Belebei, Kurmantau, Tepekei, Turbasli, Uchali accents of the Middle dialect of Tatar language circulated.

Keywords: the Tatar language, dialects of Tatar language, arealogy, syntactic peculiarities.